

Б А Н Т И К

I

В стоматологическом кабинете на подоконнике стоит комнатная герань — пеларгония. Вытягивает себя к свету что есть мочи, пока я нащупываю языком осиротевшую десну. Зуб лежит в миске, как положено. Кровь на ваточках обрамляет вырванный корешок. Пока действует анестезия, я блаженен, но ни одна собака не придет разузнать о моих муках. Я телезвезда (подлунная), а никто все равно не приходит. Кажется, даже алеющая герань плевать на меня хотела (если б, конечно, могла). Но нет — она цветет.

А ведь наверняка приползают сюда и другие пациенты. Им тоже рвут зубы. Некоторые из них громко кричат: мужики матерятся, бабы визжат, дети скулят. Герань цветет. (Мысли эти вертятся прямо во сне, а я их сейчас прилежно воспроизвожу: обнажаю прием, что называется.) Так вот пеларгония цветет настолько гордо, что ее не колышет удручающее состояние болящих — ибо оно не ветер.

Ей-богу, завидую...

Хочу так же ни в чем не нуждаться, кроме отстойной воды и отстойного солнышка. Так что приподнимаю я себя с обтекаемого кресла, отстраняюсь от нависших сверл и говорю заклинание: «Хочу быть пеларгонией, ХОЧУ — БЫТЬ — ПЕЛАРГОНИЕЙ». На зов обращивается ко мне яркое соцветье и по-змеиному, так противно шипит: «Иди ты в жопу, Ваня. В жопу!»

Здесь я в ужасе и проснулся. Хоть и не в поту, но в ужасе.

Сейчас это уже как два пальца об стол, а какой-то месяц назад я учился встречать день заново. Кто думает, что пробуждение — обычное дело, тот ничего не смыслит ни в яви, ни в сне! За миг собираешь из набухлых кожаных мешочков лицо; бодрой походкой следуешь в ванную — уже, замечу, с выпрямленной осанкой; чистишь зубы, стоя в полупрофиль к камере, и брешься с невозмутимостью

агента 007. Неимоверно трудно привыкнуть. Показательно, что к жизни напоказ большинство участников реалити-шоу приспособивалось абы как, я же цеплялся к мелочам. Только в таких — назовем их экстремальными — условиях иловишь тело на полном автоматизме. Поначалу даже болела челюсть, которую я напрягал при нужном освещении десятки раз в сутки. Выдерни меня из контекста, и покажется, что у меня прихватило живот. — На самом же деле я воплощал опереточные страдание/страсть/отчаяние/боль/вдохновение. Мне верили.

Хабалкам и дебилам проще. Но и домой они возвращаются прежними. С маломальской славой — да, по сути же — прежними! А сильнее остальных реалити-шоу преобразует качков, красавцев и циников (к последнему типу отношусь и я — это четко обговорено с организаторами). Прозванные на проекте «бантиками», мы относимся к негласной высшей касте и хлопчем лицом даже во сне. Ходили слухи, что напичканный «метаном» богатырь, Володя Гаретовский, участвовавший в проекте раньше меня и игравший роль знойного красавца-ублюдка, научился засыпать с такой мужественной миной, что возбуждал телезрительниц прямо из-под Морфея. Его рейтинг рос, пока он дрех... Вот это, я понимаю, — профессионал!

На проекте я не тосковал, зато плакал. Чаше специально (как пронзительно бывает прослезиться в еще тусклом февральском плену, а когда камера сделает наезд — так это вообще, как первый поцелуй). Но иногда по-настоящему: от нехватки цветов (имею в виду пресловутые растения), от нехватки живой музыки, от отсутствия хватки, — то есть от нахлынувшей душевной слабости. Вот и этим утром я дал слабинку, хотя мог бы сдержаться. Телезритель никогда не окажется в том самом зубном кабинете (в любом другом окажется непременно, а в моем — нет), но по трогательной реакции, по отбивке, он догадается, что мне приснился кошмар, а не Анжелина, как ее там, Джоли. Точно так — кошмар.

За перестенком, на кухне, активно существовали люди: они волокли по полу коробки и шуршали целлофаном. Не медля, я полетел туда, потому что привезли еду. Дело было, ей-богу, не в том, что хотелось жрать: просто в компании обслуживающего персонала меня не будут СНИМАТЬ-СНИМАТЬ-СНИМАТЬ! Всего десять-пятнадцать минут неурочного времени, чтобы поковырять в носу или погрызть ноготь — такое ни в коем случае нельзя упустить! Что же до груз-

чиков и уборщиц, то они уже привыкли к моей компании, не особо приятной в моменты наших свиданий.

Сегодня нашу обитель драила Тати (так уж она представилась) из Узбекистана, не сдержавшаяся при первой встрече и прощепетавшая: «Оказывается, у вас тоже бывают мешки под глазами...» — «Бывают, — согласился я, — когда на ночь выпьешь много воды для слез». Она была замечательной! И в этот раз мы опять проявили взаимную вежливость: Тати похвасталась родившимся накануне внуком, а я попросил разведать в соннике всю подноготную вырванного зуба. Ясно, что мне по барабасу до чьих-то родственников, а Тати беспокоит лишь целостность собственных (оставшихся) зубов. Но из затаенного хамства порой проглядывает истина! Так, с ненапускным холодком на меня косились и грузчики, заносившие в дом мороженую курятину и прочую съестную/несъестную дребедень. Видя мое лоснящееся тело, они, вероятно, думали о нашем проекте всякие холопские мерзости, и я их понимаю. Но упрек с их стороны был бы равен увольнению. «Вот и уткнитесь!» — решил я за грузчиков. Я «бантик».

Когда обслуга скрылась за порогом, а после за периметром, а после вообще — исчезла из медиапространства, когда окружавшие меня камеры начали свой рабочий день, я дотошно, по-врачебному, осмотрел кожу. Это тоже пойдет в эфир (меня ценят здесь за чудачества). Кожа изменилась: еще позавчера проблемная, теперь она раздышалась. Особенно те части, над которыми я работал: запястья, шея, лоб. Не нанося кремов и прочей мази из алоэ, я научился напрягать группы мышц и озвучивать про себя все подвижки. Что-то вроде: «сейчас лоб отяжелел, подбородок вытянулся, щеки белые, мягкие и впитывают свет». Если внутренний голос звучал убедительно, то установка, вроде мантры, физически меняла облик. Прекрасными наплывами, словесным усилием. Камеры получившийся результат фиксировали, ибо есмь роботы. Но кто из зрителей замечал этот кунштюк, тянущий как минимум на серьезное исследование? Да никто и ничего! Обычно определений «похорошел» или «поплохел» невнимательным людям хватает сполна. Таких — чересчур много. Я же за счет острого зрения, красоты (природной) и хитрости (наращенной) был впереди планеты всей. Оторопевшая планета плелась следом.

Первой на кухню явилась Лера К. — расчетливое дитя, с которой нам было предписано реалити-судьбой крутить шашни и танцевать

танго под луной. Танцевать мы не умели. Догадываюсь, что действительно ей нравился, хотя длиться такие отношения без приставленного к виску револьвера долго не могли. Лера К. недоумевала, почему однажды я попросил ее раздеться и остаться лишь в длинных черных перчатках на фоне такого же черного дверного проема. Лера К. не смотрела «Мечтателей» Бернардо Бертолуччи. Не ведала о божественной ущербности Венеры Милосской. Она считала меня малость чокнутым. Кстати, ей вторили и продюсеры канала, пока после моей шкодливой выходки в редакцию не стали поступать письма от знатоков искусства (а они тоже смотрят наше шоу по ночам). «Ты не так-то прост», — сказал мне однажды продюсер со шрамом через всю щеку. «Ты раздел меня», — не поняла шутки Лера К.

Она поцеловала меня в предплечье и, подтянув спадающий халат, отправилась готовить завтрак для себя, меня и еще трех ребят. Была ее очередь.

II

День обещал пройти особенным образом, и об этом нам поведали загодя. Должен приехать священник, и наше телешоу станет первым в своем роде, где пройдет публичная исповедь. Идея, конечно, показалась мне абсолютной (лажей?) авантюрой, ведь игра на религиозных чувствах зрителей скорее задушит проект, нежели приведет к подросткам, как чьи-то дети, рейтингам. Но хрена с два! Обсудив нюансы с юристами, организаторы внесли ряд поправок, после которых и комар носа не подточит: батюшку привезут в мирском одеянии (то ли юродивого, то ли отлученного, то ли шарлатана), событие пойдет под девизом «Встреча с мудрецом», явка необязательна. Проще сказать, от полноценной исповеди останется разве что убогий, мрачный антураж — как раз для этого носильщики приволокли с утра коробку с икеевскими свечками. Я сразу согласился! Мне было безумно интересно поучаствовать, хотелось по-настоящему поговорить (не с вами, не с ними, а вот с Ним). Лера К. находилась в томлении, как заблудшая испанская галера. Остальные спали (по отдельности и вместе), об их планах я понятия не имел.

На запах заваренного кофе «Нескафе», словно подражая героям рекламных роликов «Нескафе», выскочил прыщавый парень Ан-

дрюша. Игнорируя все замечания, он с тупым упрямством всегда чистил зубы за кухонным столом и при этом умудрялся поддерживать беседу, урод. Если брать во внимание кривые зубы и скрипучий голос мальчика, станет ясно, почему его от души не любили. Мы ждали, когда за ним явятся с воинской повесткой. Или лучше сразу — с автоматом. Но, как назло, за ним не приходили, а на проекте оставляли в качестве пешки, которую при необходимости будет легко слить.

— Андрюшка, ты пойдешь с мудрецом встречаться? — спросил я, отхлебывая чуть горьковатый, но всегда тонкий и ароматный «Нескафе».

— Мудрецу надо рассказать, что я плохого сделал? — поинтересовался Андрюша, помешивая ложкой несравненный «Нескафе».

Не в силах оторваться от «Нескафе», я кивнул.

— Ну, наверное, пойду, а че?

— Я спрашивал для статистики, ниче, мне не интересно, — завершил я глупый разговор и прильнул к Лере К., которая болтала ложечкой в еще одной чашке с «Нескафе» — наваристым по утрам, воздушным за обедом и таким томным вечером.

(С «Нескафе» любая беседа кажется нам исповедью.)

Полетели вороны. Над крышей нашего дома регулярно проносилась стая падальщиков — одна и та же, большая и галдящая. Иногда птиц было столько, что они с легкостью закаркивали клипы в телевизоре и наш извечный треп. Монтажеры, которых это порядком вымораживало, просили повторить последнюю реплику последнего говорящего. Желательно с той же ПОСЛЕДНЕЙ интонацией. Им приходилось вырезать запоротые видеокусочки, заменять их подделками, и мы шли навстречу, выполняя все команды, точно цирковые обезьянки. А вот зрителям чувствовать нехватку спонсорских средств (могли бы, сволочи, поставить звукоизоляцию!) не следовало.

Стая всегда проносилась на малых высотах дважды в сутки: утром и вечером, курсируя между Москвой и пригородной помойкой. «Куда девалось то выпавшее время, какие-то 20 секунд, пока мы молчали и ожидали?» — не спросите вы, а я отвечу, причем довольно поэтично! Лично я вместе с воронами доедал за Тати и за грузчиками крошки. Гадил на иномарки горожан. 20 секунд утром и 20 вечером я — ворона (ну только не белая, что за пошлятина!). А потом красные огоньки под объективами вспыхивали, оперенье спадало.

Я повторял реплику «Андрюша, ты — долбаный придурок», заправлял клювик в воротник и ждал до вечера, пока моя стая возвратится с ужина. Сытой.

С могильным скрипом отворилась дверь комнаты глухонемого Сержа и его анорексичной спутницы (с чуть подтянутыми на французский манер глазами). Имени ее я, хоть убей, не помнил.

— Мы с Сержем решили, что пойдем на встречу с мудрецом, — сообщила она благородному собранию, всем своим видом посягая на последний бутерброд с бужениной. И тут я сильно пожалел, что забыл, как ее зовут, потому что воображению открылись десятки вариаций на темы «как подколоть деваху» и «как спасти буженину».

— Мы же тут обычно только срем друг на дружку, а ведь могли бы как бы по правде обогатиться знаниями и очиститься, стать как бы лучше, — сказала она, уже поразив бутерброд в самое сердце.

Имя же у нее было ягодным и нерусским (как и парижские глаза), но вот вылетело!

— ...сорвать фальшь, выбросить оковы рейтингов, распахнуть свои веки и как бы открыться в истинном свете. Как на самом деле!

Мой взгляд прочно застрял в области ее красных колготок кислотного оттенка. Значит так: то ли Ежевина, то ли Клубнина, наподобие Скарлатины, но вот проще (почему мне никто не подсказывает?!).

— ...мы с Сержем хотим любить по-настоящему, а не имитировать жалкое подобие чувств любви, хотим проживать каждую ежесекунду, пока на проекте, пока дышим...

На том словарный запас девахи начал стремительно скудеть, и произошло это как нельзя кстати. Лера К., отвлекшись от застольной беседы, распаковала икеевские свечки и зажгла около пяти штук. Красновато-яичный свет постепенно (покуда «хозяйшка» орудовала со спичками) накрывал мое лицо с правой стороны, и лицо делалось венецианской маской. Слепком, а то и вовсе — памятью лица. Так и залипнув в колготках «девушки-ягодки», я мог только догадываться, как красив. И оставьте ваши усмешки — верьте мне — я не бросаюсь словом «красивый» (ей-богу, остальные слова и рядом не стояли). Свет мерцал на щеке, и я проживал это кожей.

Покуда Лера К. расставляла восковые чашечки вокруг нашей «братии», огонек болтался, как довольная муха. Но вскоре, когда люминесцентную лампу погасили, каждый участник шоу получил

в подарок пригвожденную к полу массивную тень. Осилившая бутерброд (на который я так надеялся... и за который не прощу...) девушка Сержа не унималась и коверкала русский язык на все лады, сучка. Только теперь ее речь казалась еще и траурной. Завтрак незаметно для самого себя перерос в нечто вроде похорон. У меня немного закружилась голова, я вспомнил «Десять негритят» Агаты Кристи. Представил, как упаду замертво, если еще хотя бы смочу горло «Нескафе» (как Марстон после виски). Более того, мне показалось это великолепным исходом завтрака при свецах и жизни в 22 года: я бодро сделал роковой глоток, и желудок трогательно скрутило.

— Чертов кофе отравлен! — вскрикнул я и обреченно рухнул на пол, распластался, а после затих, в судорогах тряся руками да ногами. Мой приступ вызвал крик у Леры К., а Андрюша, судя по обратительному звуку, выплюнул в раковину все, что было во рту.

Однако (вы удивлены мной?) я выжил. Когда глаза рассохлись и я нашел силы, чтобы перевалиться на спину, надо мной четырьмя ангелами с люминесцентными нимбами (додумались зажечь свет!) нависали участники проекта. За исключением Андрюши, у которого слюной был измазан подбородок, они показались мне умилительными.

— Ваня, ты что, притворялся?! — обиженно молвила анорексичка. — Мы, знаешь, как испугались, нас чуть кондрашка не хватила! А ты, блин, спектакль разыграл, актер хренов? Вань, разве так можно делать, а?

«Лицедей, называется», — исправил я ее про себя и поднялся. Первой смерти на проекте не произошло лишь потому, что еще рано: я не встретился с мудрецом, не замыслил эту повесть, не подписался на журнал «ЗОЖ». И так далее. Зато сон, приснившийся накануне, полностью себя исчерпал. В отличие от герани-пеларгонии ребятам было до меня дело! Их беспокоило мое состояние, и они склонились, чтобы осведомиться о моем самочувствии. Славные, добрые ребята! Я их, если начистоту, очень даже люблю, и буду вспоминать их, задыхаясь при каждом новом помутнении.

Вот знаете, не стоит верить снам, потому что там все искажено. Но не стоит верить и жизни, где все искажено подавно. Восклицающая, обиженная барышня хлопнула дверью, а Лера К. мне раздраженно улыбнулась. Она была глупышкой.

III

Анорексичку звали — МАЛЕНА.

IV

Как вскоре выяснилось, все пятеро участников шоу изъявили желание побывать на импровизированной исповеди. Кто по дурости, кто от нечего делать, а кто в серьезку (насколько, конечно, серьезно можно воспринимать исповедь в рамках интерактивного надзора). Чтобы скоротать время, я решил прогуляться. Через единственное (зато большое) окно в доме мир показался мне выбеленным, с отогнутого конца трубы капало. «Сегодня тепло», — сделал я вывод и влез в лежащий на трюмо свитер с вышитой гладью надписью «Лера».

Прогулка в одиночестве не сулила ничего хорошего, ибо разреженное существование здесь, на проекте, приближает участника (к гробовой доске?) к вечной увольнительной. Почитаешь денек книгу, и можешь читать дальше, сколько душе угодно — но уже за периметром, пожалуйста. Оттого я даже йогурт пил большими глотками, заставляя кадык зрелищно шевелиться. Моя установка (она же кредо): «двигайся, а иначе подвинут тебя!». Вот и дышать свежим воздухом необходимо было в такт с кем-то, а тут само провидение вывело на свитере красными ниточками: «Лера». Наследило!

— Идиот, ты же его растянешь! И мне в чем идти? — возмутилась дежурная по кухне, с тоской оглядев свой свитер.

— Жду тебя на улице, — самоустранился я и вышел на крылечко.

Воочию, без окна-перегородки, мир выглядел уже никак не белым — скорее пересвеченным и в позолоте. «Тоже мне февраль!» — буркнул я в плотный воздух, наполняя ладони ледяными талыми каплями. Метрах в ста, посреди летней клумбы, скучал венский стул. Раньше я его не замечал (или его попросту здесь не было?), но теперь я внутренне ликовал от находки, ведь венский стул в интерьере мог наполнить художественностью даже садомазохистскую оргию. А мою жизнь — давно!

Обшарпанный предмет мебели кренился, воткнув две ножки в липкий сугроб, а две развратно задрал в воздух. Жадность обуяла меня, сожрала с потрохами: «Он станет изюминкой комнаты —

стул-литература, стул-ХІХ век будет прекрасно смотреться у кровати (у ложа, раз на то пошло)».

Чтобы не позабыть о нем на обратном пути, я повязал к перилам у входа носовой платок с утятами. Когда затягивал узел, вышла Лера К. и, подозревая в моих движениях какой-то злодейский умысел, сделала вид, что «это последняя капля». Но я вовремя схватил ее за локоть, притянул к себе и объяснил смысл действия. Убедившись в том, что узелок не связан ни с какими мистическими практиками, дурашка пошла со мной по «вольеру».

Поясню! «Вольером» мы называли ту огороженную территорию, что следовало измерять в непомерных га. На ней вполне можно было гулять и кружить женские головы, сколько хватит харизмы. Ельник, две беседки, яблоневый садик, кривые дорожки, бунгала для сложившихся пар, полянка памяти всех участников шоу («кладбище» — в междусобойчиках), «дворец уединения» (для траха) и целый парк аттракционов с каруселями и тиром — вот чем была утыкана наша зона. Ах да, еще за домом строился открытый бассейн, но в феврале он получался неактуален.

Оценив все возможные варианты, я потащил любимую — прямо.

Куривший за кемпером оператор встрепенулся, точно от смерти. Нашу прогулку будет снимать он, поскольку расставлять «цветы-зеркала» по всей территории — апофеоз расточительности. Лера К. держала меня за руку, мы шли вперед, за нами тащился камероносец в пуховике. Я был соткан из великой литературы, цинизма, аутоэротизма, кофе. И переживал счастье.

— Знаешь, это хорошо, что мы остались наедине, я этого ждала, — загадочно произнесла спутница. — Мне надо с тобой серьезные терки перетереть. Сегодня Серж, пока я готовила завтрак, еще до твоего припадка, подошел ко мне сзади и прихватил за кружочки. — И Лера К. с манерностью прапора грубо шлепнула себя по жопе. — Оно вроде в порядке вещей, но, блин, Малена распиналась об их любви, а он... он совсем оборзел.

Солнце слепило глаза. Закралось чувство, что в его паскудных планах было лишить меня зрения, приравнять к Эдипу или к кутенку. Для этого оно и вошло сегодня, не правда ли? Воюя со светилом, я сощурился и свел брови, но, не замечая этого сражения со стихией, Лера К. воодушевленно продолжала:

— Короче, предлагаю на завтрашнем голосовании вышибить Сержа. Он же как баран! После встречи с мудрецом я поговорю с Андрюшей и попробую убедить Малену. Реально уже задолбало, блин! В общем, мне надо знать, ты за? Потому что если нет, и Малена заламается, учитывая, что еще любит Сержа, а ты меня киданешь в ответственный момент, то я становлюсь тут же врагом номер один, а Серж — героем вместе с Маленой, тобой и даже Андрюшей, который вообще здесь с боку припеку, и на Сержа ему кучу класть хотелось. Оно мне надо? И это из-за того, что какому-то идиоту приспичило пощупать мой зад? А наши отношения еще могут срастись, я не хочу, чтобы Серж в них лез. Короче, вот. Ты меня поддержишь, проголосуешь за него на завтрашнем совете? — закончила разгоряченная Лера К. и посмотрела на меня по-кошачьи хищно.

Слева оператор чиркнул зажигалкой, и, судя по звуку «зж-зж-зж», сделал мне дерганный крупный план. Очень крупный и очень дерганный. Больше всего остального (даже больше коронных поцелуев в предплечье) я обожал, когда Лера К. хитрила. Голос ее делался неуверенным, ладошки запотевали, как у героини дешевого романа — но она уже не могла говорить правду. Ей-богу, расчетливое дитя: выпрашивает леденец, выдавливает улыбку, а стоит ей отказать, как ночью она пырнет тебя ножичком в пузо и не поморщится (дети очень жестоки — им просто духу не хватает исполнить все свои замыслы).

— Прямо за задницу тебя схватил? — уточнил я.

— Прямо да.

Мы миновали яблоневоый садик и шли по еловой аллее, что тянулась до бесконечности (до ржавых мусорных бачков). В нос тут же ударил едкий запах хвои — он, как распутная девица, путался с любыми встречными амбре: с дымом пыхтящего оператора, с отвратительными духами моей любовницы.

— А какой у тебя парфюм? — поинтересовался я.

— «Апокаге», но тебе ведь это ничего не скажет.

И «это» мне действительно ничего не говорило, зато нотки голоса звучали безошибочно фальшиво. Так произносят «у меня есть пара на тузах», «верну тебе долг с получки» или «каждый второй билет выигрышный». Так блефуют. Слова жмутся друг к другу всеми согласными, тон повышается и закрадывается подозрение, что оратор

ру пора посетить нужник. Стоит внимательно прислушаться к окружающим, и вы будете убеждены, что у всех хроническое недержание. (Не прислушивайтесь.)

— Милый олененок, — начал я, выживая метафоры из заснеженного леса, — ну кто поверит в историю с твоими ягодицами? Кому они вообще, кроме нас двоих, и нужны-то? Хотя меня не смущает, что ты лжешь, — меня это веселит. Беспокоят не враки! — И я насупил брови до трех складок, что являло крайнюю озабоченность. — Сегодня придет мудрец, и ты ведь не станешь рассказывать ему о ягодицах. Ну, или станешь? По-моему, не следует. Ты лучше расскажи, как Ваня тебя третирует: ставит в дверной проем Венерой Милосской, как пугает тебя приступами. Расскажи, что я черствый, как... — тут мне захотелось подобрать сравнение, но в мягком ельнике его не нашлось, — ...и ты выйдешь сухой из воды. Выйдешь — жертвой, а я — монстром. Потому что если ты завтра умрешь (взаправду, нарушишь контракт), то я перетяну на себя всю ложь. Удар на себя приму. Ты пойми, наконец, что каждому человеку выдается на жизнь тысяча ударов и тысяча благ. — Тут я замялся, так как не знал, сколько ударов и благ выдается в действительности. — Один этот разговор сойдет за удар, искупит многое. Милый олененок, ты, конечно, дура, но я все равно тебя спасу. Ты же не виновата! Все от незнания! Можешь просто сказать «спасибо», и мне этого будет достаточно, — завершил я монолог, почему-то надеясь на благосклонность спутницы.

Когда Лера К. влепила мне пощечину, стало ясно, что на «спасибо» можно, в принципе, уже не рассчитывать... Вот это был поистине удар — такой стремительный, что от неожиданности я плюнулся на снег. Униженная и оскорбленная Лера сдерживалась, молчала, отходила: то ли от смертельной обиды, то ли от какой-никакой справедливости моих упреков (не смею на то надеяться). Я расценил молчание как оскорбление и, зачерпнув ладонью снег, приложил его к больной, покрасневшей щеке. Пульсирующий холодок разбежался по лицу, но я уже плакал. По кривившимся губам оператора я угадал, что чем-то похожу на романтического Лермонтова (во всяком случае, я еще не был Лермонтовым и хотел на него походить).

А потом Лера К. очень долго исчезала. Ей-богу! Ее не первой свежести курточка сливалась с пейзажем, а накрученные волосы, слов-

но под бриолином, под вязким гелем не приподнимались на ходу. Шагала ли она вообще? Нет: она скользила, плыла, текла. Она уходила. Она бросала меня. Я ощутил себя рабом любви. Иначе говоря, Лерочка становилась частью общего пейзажа: безразличной детсадовской манкой, где один комочек не отличается от другого. В этом снегу, против солнца, ее талия сужалась до нити. Я подумал, что сейчас она сорвется в сплошной свет, и ждал этого, пока джинсы на попе промокали от снега. Боковое зрение сообщило, что оператор перестал снимать. (Еще бы, ведь неформат.)

Я не помню, как именно она там вдали растворилось, как по сей день не могу поймать с поличным всякий предмет перед глазами, теряющий плотность, когда расслабишь зрение. «Как она могла так со мной поступить? — сокрушался я. — И ведь не Серж ее унес, не ворона облезлая утащила. А сама моя Лерочка поскакала на этот огонь, сгинула там, идиотка».

V

Сколько я просидел недвижимо и глупо — до сих пор не соображу. Пока:

— Ванечка, — с мировой скорбью не раздалось за спиной. Под любовным своим «гашишем» я медленно повернулся, выкладывая себя на обозрение постепенно. Будто два паруса одиноких (и такое бывает) на шпильках вместо постаментов возвышались соведущие Елена Немеш и Елена Благодрава. Целых две прекрасных Елены! Их разукрашенные мордочки не вселяли даже осторожного оптимизма.

— Ванечка, — зачем-то повторила Немеш, — с тобой все в порядке? Встань, пожалуйста. Ты давно так сидишь?

И, видно, не рассчитывая дожидаться от меня внятного ответа, она вскинула брови в сторону оператора. Тот с очередной сигаретой в зубах (с будущим раком легких) пожал плечами.

— Мы просто гуляли тут, вот. И нам позвонили! — сказала Благодрава.

— Не нам, а мне позвонили! — поправила подругу Немеш.

— Ну, да, короче, не важно. И сказали, что ты тут, а Лерка там, в доме. И мы пришли к тебе. И, понимаешь, ситуация ведь в чем... ты встань все-таки, пожалуйста, простудишься же. Вот спасибо-

преспасибо! Лерке на ногу упал утюг. Странно, не правда ли? — засмеялась Благонравова. — Она пришла разъяренная, поругавшаяся с тобой, и хотела погладить вещи.

— Не то чтобы хотела, но сделала вид, что гладит. Женщины всегда так демонстративно сердятся на мужчин, — добавила Немеш, укладывая выбившуюся прядь.

— И ей на ногу, как нам... то есть как Ленке сказали, упал утюг. Неудачно так он упал. И вообще там мало чего серьезного, просто нам показалось, что мы должны тебе сообщить лично. Короче, большой палец правой ноги малость подраспух, но врач успокоил Леру и всех, и нас успокоил. Там даже смещения нет, а перелома ва-аще нет. Припухлость одна.

— Мы как бы подумали, что ты мог бы помочь сейчас Лере, поддержать ее, что ли, — куда вразумительнее объяснила Немеш. — Она лежит в своей комнате, дремлет. По-моему, это хороший момент для примирения. Дерзай!

Поджав хвост, ничего не ответив на корявый обзор событий двух петрушек, я отряхнулся и поплелся в сторону дома.

— Да, и почини утюг, если сможешь! — крикнула вслед обнаглевшая Благонравова.

Но слова зазвенели в ушах. Стоило мне двинуться с места, разойтись, как началась болтанка. Сидя на дорожке, я совсем не почувствовал, как продрог, а тут кровь разогналась, и организм принялся ныть. «В самом деле, сколько я прозябал в этой каталепсии? Двадцать минут? Два часа?» Время ускользнуло вместе с моей Лерой, и теперь я шел к кому-то другому. Переступал стеклянными ногами по наледи с ловкостью железного дровосека. Зато пощечина слилась с непобитым лицом, что меня чудовищно обрадовало.

Дорожка упиралась в дом. На запорошенной клумбе показался венский стул, уже всюю собирающийся ко мне на ПМЖ. Стараясь хоть в чем-то (до конца) оставаться в трезвости, я забрался в сутробы полумертвыми ногами, вытащил стул за позвонки (за спинку). Бесформенные комья снега тут же отвалились с винтажного предмета, и, подняв его на руки, я отправился вновь кого-то спасать. (Себя?)

Начиная с прихожей и дальше по коридору стояла жутчайшая пустота, словно здесь бродили неугомонные души, словно мудрец ско-

ро (скоро ли?) не придет. Однако камеры с механическим упорством работали, и я стянул с себя свитер с вышивкой «Лера» (в виду последних событий, надпись казалась уже совсем не смешной), оголив торс и сооротив подобие пресса (он у меня, знаете ли, с родинкой). На спине проступила подозрительная испарина.

Примерив попу к венскому стулу, я обнаружил, что они идеально подходят друг другу, и встреча их — рок. Пусть чуть-чуть холодновато с улицы, но нагреть место — труда не составит. Андрюшу можно, наконец, попросить.

Стащив с ног ботинки и поставив их рядом с обувкой Леры К., я вдруг различил на полу отколотую пластмассу с логотипом «Тэфаль». В списке спонсоров фирма не значилась. Я посмотрел выше и нашел на тумбочке развалившийся утюг. Поверить, что он упал на чью-то ногу, было непосильной задачей — скорее, его швыряли о стену. «...Почини утюг, если сможешь», — вспомнил я завет Благонравовой и с улыбкой отнес технику «в райский сад» — в мусорную корзину на кухне.

— М-м-м, приперся, — поздоровалась Малена. — У Лерки нога распухла, зайди хоть поцелуй девочку. — И, сцапав половник, она вместе с обретенным именем принялась мешать суп, хотя была и не ее очередь.

«Аха, — подумал я, — сейчас так поцелую, что мало не покажется». Не откладывая неизбежную встречу на потом, я рванул ручку хорошо знакомой двери, не позабыв венского товарища.

Лера К. лежала под белым покрывалом и изображала спящую царевну. Смекнув, что вот так заснуть (после того как бросишь человека умирать?) не сможет даже замотанный дорогой дальнобойщик, я окликнул своего олененка:

— Эге-гей!

Лера К. сонно приоткрыла глаза и сквозь муть, через слезную плену, с интересом принялась рассматривать меня, царственно расположившегося на троне.

— Давно не виделись, — сказал я с сарказмом, — как самочувствие?

— Тебе уже сообщили? — хрипло простонала она, подтянула покрывало и вытянула две смятые ножки.

Меня еще колотило от холода, было знобко. А потому даже воздух в комнате колотился следом, и Лере К. следовало приложить меня еще хотя бы раз (а может, и побольше), чтобы привести в чувство.

Но она лежала смиренно. От нее не пахло духами. Еще удивительнее то, что Лера (не дышала?) не устраивала разборок в духе бразильского сериала. Какая-то новая, теплая девочка просыпалась передо мной с кровоподтеком на пальце. Ее болячка — фиолетово-черная фиалочка — распускалась из самого ногтя. Вдоволь насмотревшись на опухоль, я поцеловал ее в темную сердцевину и почувствовал на губах привкус — (пыльцы?) йода.

— Ты на меня ни за что не сердисься? — спросила она.

— Ты — дура, но я не сержусь.

Поверь же в нее, «бантик», она под одеялом своим уже почти взлетела. Давай, Ванечка, удерживай ее за синяк. Осторожно погладь его. Люби ее так, словно она не отличается от артефакта, а артефакт не умеет лгать. Он всегда полон тайн, у него нет планов на будущее, и нет в нем расчета. Он ударяется об острые углы, о тупые ударяется тоже, так что присматривай за ним, не отвлекайся. Ограждай от всех падающих утюгов и люби на выходных, чтобы он чувствовал себя иногда женщиной.

— Ты не проголодалась? — усилием воли оторвал я себя от раздумий.

— Немного.

— Может, тогда соберем ребят на обед?

— Малена варила суп вместо меня.

— Уже сварила.

— Я поняла по запаху, да.

— Щи?

— Щи.

Она приподнялась с кровати, и как вы думаете, что сделала? Поцеловала меня в предплечье, естественно! Но вот отпрянуть, оттолкнуть ее не захотелось. Не то чтобы я на радостях научился любить, или циник во мне самоубился, просто я ей поверил. «Напрасно поверил, Ваня», — не скажете вы, а я все-таки соглашусь: «Наверное, да, напрасно». Но все же стоило отбросить логику, а вместе с ней и все вопросы. Потому что озноб. Потому что порой надо довериться туману и провидению, которые выводят тебя на чистую воду, выводят тебя из себя, но, в конечном счете, сводят (в могилу?) все ниточки в узелок.

Я трогателен (нравлюсь вам?).

VI

Мне эти подтексты не по душе, но куда от них спрячешься. Упоминание супа подразумевало вовсе не то, что мы тут же сползем с кровати, и Лера, хромая, а я — поддерживая ее, как раненого сослуживца, присоединимся к голодным соплеменникам. Ничего подобного! Мы хотели друг друга (я — тепла, она — меня)! Кто вообще после вспоминает эти сотни бессмысленных фраз о тюльпанах, звездочках, луне и прочей мути! Я спрашивал «Щи?» и подразумевал: «Можно мне войти, ведь можно?» И она давала согласие: «Ну да — щи — входи!» Других трактовок предпостельные диалоги не имеют — они во всем подобны запахам — самым непристойным.

Первые реалити-шоу не считались с тем (неоспоримым ли?) фактом, что люди занимаются сексом. И участники ныкали свои разбежавшиеся мурашки за закрытыми для камер местами: в ход шли шкафы, душные подсобки, приходилось наспех занавешивать кровати покрывалами, блузами, джинсами. А то и вовсе — не обращать внимания на соглядатаев. Потом, по своему, наверняка изошренному, преёскуранту «добрые люди» толкали порноролики для продажи на DVD. Оттуда они поступали в Сеть, где их находил неудовлетворенный зритель.

Подавать в суд на абы кого, на тень — себе дороже. Кроме стыда и публичного скандала ждать от подобных разбирательств нечего. И любовники не рыпались. В этом (в лучшем) случае обсуждение велось лишь на электронных площадях (на форумах), куда стекались онанисты со всей страны. Они оставляли комментарии вроде «классно впендюрил», «эх, мне бы туда третьим» и пропадали в той пустоте, где грузится следующая веб-страница, где переворачиваются бездонные песочные часы.

Наше шоу (честь и хвала ему!) секс предполагало. Для этого были построены уже упомянутые домики, бунгала, а также оборудованы специальные выдвигаемые «чудо-шторы», присобаченные к каждой кровати. Чем-то они напоминали душевые занавески. Матерчатое покрытие делало любовников недоступными для объективов, и даже свет с трудом пробивался к ерзающим телам. В конце концов, это была морально-финансовая уступка продюсеров, спасибо.

— Щи? — спросил я.

— Ши, — ответила Лера К., давая разрешение на любую разнuzданность.

И не мешкая, одним движением я дернул бордовую ткань. Мы оказались в паланкине овальной формы. Моя девочка походила на звереныша со сверкающими (уже без той пелены) глазенками. И, позабыв о ее болячке, я решительно навалился бедром на распущий палец, прижал, на что моя мурлыка издала короткий «ауч!».

«Я помню, помню, я постараюсь осторожно».

С ней — у меня было впервые. С другой Лерой К. мы занимались любовью подолгу и громко, отчего Андрюша стучал из смежной комнаты по батарее. А с новой, едва пробудившейся, казалось, из невнятного оцепенения, из морока, Лерой — у меня было впервые. И я нервничал. «ВПЕРВЫЕ!» — науськивал я сам себя. Мне чудилось, что она тоже понимает исключительность момента: не рeшалась целовать. Все гладила волосы, касалась руками. «Звереныш, ей-богу, звереныш», — крутилось в голове, пока нежность не сошла на паузу.

Наши ласки повисли в воздухе, на полужесте. Не шуршала одежда, не жужжали камеры за паланкином. Я осторожно наблюдал за тем, как из щелки между шторой и бежевой стенкой тонкой полоской выпархивал свет, деля Лерино лицо на две неравные, но одинаково любимые части. Это был дар. Нос ее, пусть в выступившем телесном жире (он мне был даже приятен, этот жир) делал кожу прозрачной. Под ней — теплились хрящики, на ней — выступало розовое раздражение. И, следя за люминесцентной полоской, я потянул Лерину ночнушку вниз, так что свет тут же захватил новые открывшиеся изгибы.

Мне нравилась эта игра до одури.

Пересекая набухший сосок, свет нырял в штору, в ворсинках которой и терялся. Выдумав, что у него особый сахарный привкус, я провел губами строго по яркой линии, словно ту начертили маркером.

— Идиотина! — рассмеялась Лера от щекотки. В ответ она стянула с меня футболку.

Мне было абсолютно зеркально. Тела не только туго скользили друг по другу, но и переговаривались, отражались. Животы слипались до первого выдоха, и когда тот наступал, когда в этот пупочный вакуум попадал воздух, раздавался смешной звук, похожий на кваканье. Один низкий и забавный: «уа-а-а». Одежда разлетелась

по кровати, втопталась в складки простыней, а я нащупал большой ладонью у нее внизу жар.

«У Земли сместилось ядро, — судорожно теоретизировал я, — ядро ровно там, где моя рука». Штора потянулась к Лере, все предметы стремились попасть в Леру. Нестойкие перестенки, мой венский стул с чуть продавленным днищем, глупые флаконы на столе, сам стол и пыль под ним — все это притягивала крохотная точка внутри моего олененка — ему даже не принадлежащая, источающая кипяток, материнская точка.

Я приревновал Леру к комнате.

В какой-то момент по высокому, почти утробному вою я понял через эти сумерки, что все происходит здесь и сейчас. Тело опередило рассудок. Оно заработало грубее обыкновенного, ляжки жгло от ее пальцев, икры сводило. Не силясь что-либо изменить в происходящем, я беспомощно наблюдал, как тупым ножом полоса света режет, кромсает ее тело. И трепыхалась именно полоска, а не Лерино запрокинутое лицо (не подумайте!). Не ее грудь.

Мне пришли (нехорошие образы?) строчки, заученные еще в школе. Читая их со сцены на 9 мая, я тогда довел ветеранов до слез. Я был искренен. Пришли стихи из неуместного в данные минуты Симонова «Горят города по пути этих полчищ...». Ритмизуя бедрами, я принялся незамедлительно выкорчевывать их из памяти, воспроизводить. Там, где словесный поток стопорился, я, совершенно ненормальный, заполнял пробелы неприлежными «тра-та-та» и «на-на-на». Получалось чудовищно:

*Горят города по пути этих полчищ.
Разрушены села, та-та-та-та рожь.
И всюду, поспешно на-на-на, по-волчьи,
Творят эти люди разбой и та-та.*

Кажется, Лера оставалась равнодушной к поэзии — она стонала. Я же декламировал, временами переходя на возгласы:

*И ты, что стоишь без ремня предо мною,
Ладонью себя ударяющий в грудь,
Сующий на-на-на-на сына с женою,
Ты думаешь, та-та-та-та-та? Ничуть!!!*

Удар пришелся не на пах, как обычно, а на височную долю. Во всех физиологических подробностях я увидел, как в мозгу взрывается сосуд, и осклизлые кровяные тельца заполняют извилины. Вот только ожидаемой боли — пфф, не случилось. Вместо нее в голове затрещали мелкие холодные искорки, какие вы можете встретить (хоть прямо сейчас!) в шерстяном одеяле или в неисправной конфорке.

Больную ногу я задел сильнее, чем в тот раз, и Лерочка закричала, схватилась за палец и выскользнула из-под меня.

— Ты что натворил, Вань! — рывкнула она, приоткрывая ранку. Налившимися зрачками я заметил, что фиолетово-черный цветок приготовился вступить в свой жизненный пик. Надулся. Мое сердце скакало, как на излете. Но не в силах шевельнуть головой и проверить, не пропал ли голос от вполне правдоподобного инсульта, я радовался тому, что оно хоть как-то бьется. Успокоить ревущую навзрыд любовницу я не мог. «Сейчас, сейчас, сейчас, ей-богу, сейчас», — твердил я про себя, а потом и вслух. ВСЛУХ! Голос зазвучал не хуже, чем раньше — он был прекрасен.

— Ты не мог что ли выйти, Вань? — говорила она уже тише из своего унижительного, какого-то опущенного калачика. — Ты же в меня кончил.

Мне стало снова страшно. Не за возможность стать счастливым отцом (у врача имелись все нужные таблетки, о нас заботились), а за мертвого Симонова. За Леру — едва живую. «Вдруг я убил ее оргазмом, ни черта не испытал, изнасиловал?»

Я и вправду чувствовал себя мерзко: и Симонова оттрахал. На лице проступила недавняя пощечина, которую я вновь обостренно разжег на щеке. Я попытался поплакать, чтобы охладить себя, но воды внутри не было. Иссохла, кончилась вода. И я заплакал без слез. Заплакал от самой невозможности плакать, перестав моргать, вытаращив зрачки, потеряв фокус. Я плакал без слез.

Пока, как мумия, я лежал в реанимационном шоке, Лера уняла острую боль на пальце. Она капнула на болячку йодом, запах которого тут же долетел до обоняния. Одевалась она молча, без тени стыда ползая по кровати и выдергивая из-под меня лифчики и трусики, трусики и лифчики, бесконечные лифчики и бесчисленные трусики. «Не целует меня, не балует меня, видать, обиделась вся, видать, не хочет меня», — сочинилось в остывающем мозгу что-то чисто мужское, еще более постыдное после Симонова. Хотя куда уж там.

— Прости, пожалуйста, — сказал я новообретенным голосом, — за все прости.

Над домом проревел ветер: было слышно, как он вдирается в крышу и карябает фактурный шифер. Дай ему волю, каких-то сто с небольшим лет, и он пробьется внутрь. Жаль только, нас он не застанет — нас не будет.

Лера, наконец, смилостивилась и легла рядышком, предварительно приведя штору в изначальное положение (хорошо, что от камер меня закрыла какая-то сбитая простыня), сломала паланкин. Где-то мы еще касались друг друга — ступнями, локтями, едва-едва головами. Я — голый, она — нет. Но прощение (безошибочно — прощение!) вышло холодным. Можно считать, что ветер случайно взял сто с небольшим лет в кредит, без поручителей, без справок, и уже внутри. Он уже в доме, уже мельтешил в нас двоих. Ни в какую не унимался.

— Мальчики и девочки, — постучалась в дверь Малена и обратилась к нам бессмысленным интимным шепотом: — вы поесть не хотите? Мы все вас тут ждем.

— Что там, щи? — спросил я.

— Да, щи! — уже бодро ответила она, догадавшись, что у нас все закончилось.

— Сейчас придем, — на мою радость отозвалась Лера, Лера К.

И в этот раз «щи» выражали ровно то, чем и являлись.

VII

Кто-то в подмосковном городе, в доме с восьмью однотипными комнатами недвижимо лежит обнаженный, с ожогом от любви. Чувствует слабость в членах. На трюмо валяется журнал. На его обложке бликует голова телеведущей Немеш. И молвит голова обнаженному кому-то:

— Знаешь ли ты, как гаркает ворона?

— Не знаю, — отвечает кто-то.

— Так я тебе обо всем расскажу! — продолжает голова, явно вдохновясь собственным всеведением. — Ворона гаркает так, как будто ее тошнит.

— И что с того?

— А то, умник, что и ты живи так, как будто все кишки твои со-трясаются, как после алкогольного отравления или изнурительной болезни.

— А тебе почем знать, как надо мне жить? Ты вообще кто такая?

— Я — всему голова! — отвечает голова.

И мне претит, что уже не цветы со мной вступают в диалог, а гол-вы. Претит, что я — кто-то.

После секса бывает такая подлая слабость, что и почесаться лень. Полное измождение, ватность, аморфность. И вот драгоценные люди перевоплощаются в обездушенный плюш, в паклю. Ребята не притрагивались к еде, пар от супа пририсовывал им прозрачные бороды. Когда мы с Лерой К. и венским стулом добрались до кухни, в воздухе повисло неозвученное: «потраха-лись!». Неужто и без ка-мер все так очевидно? Втиснув меж догадливых персонажей гнущее изделие еврея-краснодеревщика (вот и «Гугл» пришел на подмогу!), я присоединился к обеду. «Да, потраха-лись! — отвечали мы всем им своим равнодушием. — Теперь можете нас ненавидеть».

В многозначительной тишине Малена принесла одну тарелку, за-тем другую, потом принесла ложки, вспомнив о хлебе, сбегала к бу-фету и притащила нарезные бородинские шматочки. Невыносимо долго! Да и обед вышел на редкость расхлябанным, деревенским. В довершение картины «Сельчане узурпируют масс-медиа» Андрю-ша поинтересовался: «Ложил ли кто-нибудь соль в суп?», и мне захо-телось так же по-деревенски влить ему деревянной ложкой по лбу. Увы, окружали меня невесомые пластмассовые приборы.

Малена нас презирала — суп получился недосоленным, и мы с Лерой К. жалобно, по-щенячьи, им давились. Второпях, по глупо-сти восхитившись кулинарными способностями «ягодки», мы уже не смели просить соль (мало того, что сношаются в неурочное время, так они еще и придираются!). Сама же Малена «кушала» с непод-дельным наслаждением, ее вкусовые рецепторы отдали концы.

Таким образом, все шло сносно, если бы не Андрюша, который крутился и не унимался — то и дело щупал пушок на своем подбо-родке, представлял, вероятно, там будущую эспаньолку. В конце концов, этот болван углядел-таки у моего локтя неприкасаемую солонку и попросил ему передать. Что ж! Я решил высмеять неу-емность мальчика и сделал вид, что подавился. «Кхе-кхе», — по-крахтел я, но переиграл. Ни с того ни с сего поперхнулся по-

настоящему — недожеванным куском картофеля, который застрял в горле на вдохе.

Тем все могло и завершиться («Ну когда же он наконец сдохнет?» — думает кто-то из вас, что обидно до самых глубин). Однажды лет в шесть я серьезно подавился рыбной косточкой. Мать срочно вызвала скорую, прикрикнула на дежурного по «03», чтобы в отделении перестали «пинать балду» и поспешили. И они перестали, и они поспешили! Машина прикатила за 15 минут, на редкость быстро. К тому моменту я весь позеленел, ибо не помогала ни вода, ни хлесткие материнские удары по спине. Направив настольную лампу в мой шестилетний рот, пожилая женщина-врач (они все отрешенно серьезны) не нашла там ничего кроме запаха вареного судака и морковки! В общем, косточки вообще не нашлось. Уже тогда я выкрутасничал и вместо восхищения перед моим актерским гением получил от матери порку. Она заряжала ремнем по моей мясистой попе, что было мочи. А мочи было немного.

Но здесь пороть меня не требовалось. Я действительно задыхался, приведя шею в состояние засоренного насоса — так что все поршни работали на износ. После утренней проделки с отравлением ребята не сразу уяснили, что рискуют потерять меня по-настоящему. Надменно и недоверчиво (высокомерно!) изучали они мои корчи, как преподаватели театрального вуза настороженно заглядывают в лицо абитуриента, читающего дежурного Крылова. Я закрылся руками от камер.

Позор — он и есть позор.

Первым понял, что он не Станиславский, — Серж. Каменным кулаком силач шандарахнул по моей спине, и от этой мощи не только картофелина высвободилась из зева, но заодно не на шутку сотряслись и все ребра. Доведя великодушный жест до подвига, Серж передал Андрюше проклятую солонку, затем потупил глаза в тарелку и после секундной паузы принялся хлебать пресные щи дальше.

Парня я чурался — общаться с ним было муторно. Всякий разговор так или иначе выливался в письменный текст (а, наверное, жутко приятно, когда каждая твоя беседа законспектирована). Хотя «да» и «нет» Серж обозначал, моргая один и два раза соответственно. Это не способствовало диалогу. Ей-богу, он жил отщепенцем, не совершал подлянок, с ним было скучно. Как-то я представлял, что, запершись

в комнате, Малена и Серж понимают друг друга без слов, и их воркование от этого теряет остатки порочности... Так, однажды ночью я останавливался у двери влюбленной парочки в надежде услышать, как Малена ловит оргазм (почему-то меня это крайне будоражило). Подслушивал, что само по себе не делает мне чести. Но вместо охов и ахов я наткнулся на иное: Малена беседовала с Сержем, словно сама с собой. Спрашивала, например, о любимой музыке и тут же отвечала: «А я вот люблю Юлию Савичеву и Булата Окуджаву!» — «Чудненько!» — подумал я и ушел восвояси.

Извините, отвлекся. Все должно было закончиться непременно за обедом. Это стало очевидно сразу, как кашель иссяк, и я залил першащее горло щами. Пушечный хлопок Сержа вывел меня из вялой «комы». На глянцевої скатерти фокусировалась глянцевая розочка, наливалась резкостью, на ней проступали блестящие капли — от супа или от росы. Я отходил от секса. Отходил со злобой, ибо Серж не просто спас мне жизнь (благодарю, как говорится), но и опозорил перед зрителями. Лицо — утеряно. И, как мужчина (да хоть как подлец), я кипел в некрасивой мести. Пусть драматургия моих помыслов не до конца ясна, но она наличествует и не лишена логики. Какой-то несуразной, но все-таки — логики.

На промытой скатерти будущее становилось видимым, как на гадальной карте. В голове выстраивалось невыносимое кино. Не спрашивая, чего там хочет Лера К., я сцапал ее тарелку, где, кстати, еще бултыхался суп и направился к кастрюле. Плюхнул туда говяжьё кость с жижёй и потащил обратно. Но, не успев огорчить мою любовницу добавкой, без всяких церемоний, я выплеснул на яйца Сержу содержимое тарелки, словно это помой, а я — истинный венецианец. Сделал это одним махом, отчего прифигели все ребята. Серж взвился волчком, скатился на пол и заорал.

ЗАОРАЛ!

Каким-то позорно высоким для бодибилдерской внешности голосом он проклинал меня и поносил почему зря. Цитировать не возьмусь. Сначала все бросились ему помогать. (Да я сам, ей-богу, чуть не бросился!). Но, вспомнив, что вообще-то Серж у нас значится глухонемым, мои знакомцы притормозили. Их как током долбануло! Андрюша прижал согнутую кисть к губам (наверное, не в пример мне, тщательно пережевывал картошку), Лера К. похромала за доктором (у них уже, видать, завелась дружба), Малена же орала громче самого

Сержа. Она редела истерично, как редут девочки, — не проговаривая целиком слова «сука», «мразь», «урод», — заикалась, рычала.

Может, Серж и хотел дать мне в морду, но его (бывшая?) подружка невольно отгородила меня. Заняла слишком много пространства, стала крепостью. Она разводила руками, но и не забывала колотить застывшего в позе эмбриона, в позе травмированного футболиста, Сержа. И на этот раз жесты, утратившие связь с языком глухонемых, не заключали в себе какую бы то ни было суть, кроме ярости. (Очевидно, люблю я сводить на нет многогранность жизни.) Парень не изволил объясниться. Он сжался так, как если бы на него напала толпа отморозков с битами и в тяжелых ботинках.

Кажется, мы были в расчете.

Прибежал врач в халате и в белой шапочке с красным крестом (хотя ясно, что его униформа — такое же продолжение шоу, как и мой пролитый суп). «Доктор Хренболит» не сразу сообразил, кого тут надо спасать: Малену, Сержа? Далекий от медийной этики, он лаконично матернулся, поднял повалившийся от рывка венский стул, поставил на него кожаный чемоданчик с лекарствами (в лучших традициях какого-нибудь Антона Палыча). Очень последовательный мужичок.

Въехав, что рана его пациента куда более интимна, нежели распухший палец Леры К., он попросил всех удалиться. Мы с Андрюшей послушались сразу. Через минуту подползли девушки, придерживая друг друга за исхудавшие талии. Малена выглядела кукольной, чумазой от помады.

— А как ты догадался, что он говорящий? — спросил меня с пietetом Андрюша, стоило нам усесться на диванчик.

— Серж передал тебе соль — холодно ответил я, как, не разбрасываясь на подробности, ответил бы Джеймс Бонд.

— Ну и что, что передал?!

— А то, придурок: он вылупился в свою икеевскую тарелку, он не мог слышать, что ты мне там проныл — может, ты сделал мне комплимент, может, сообщил, что у тебя новый прыщ вскочил, мало ли!

Восхищаясь моей прозорливостью, Андрюша довольно заурчал. Однако руки его были сжаты в карманах — между делом — так неосознанно выражалось волнение за собственные причиндалы. И если бы мне взбрело в голову вдруг наброситься на него за некую

провинность, он сумел бы защититься. Он превозносил меня и опасался. Такой поворот не мог не льстить!

Лерчик устроилась на соседнем коричневом диванчике вместе с Маленой. Злость последней остывала, тело ее проседало в подушку. Салфеткой она даже стерла с лица губную помаду (надо же!). Вспомнила, девочка-ягодка, что участвует в шоу! Но пуще остальных в этой картине меня поразили вовсе не достоинство, с которым обманутая женщина переживала катастрофу, и не предел ее неистовства. Эти качества довольно обыденны. Меня поразило, как раздавленный человек способен оставаться привлекательным и, что ли, сладеньким. В иступлении природа обычно вмиг выплывает, как распухший труп, — из-под косметики и подтяжек. Но ни фас, ни профиль Малены не выдавали этой мышечной скуки. Наоборот, она походила на птенца с заостренными чертами. Вся была острой конечной.

Что ж, после феерической победы над Сержем, теперь я беспомощно проигрывал ей перед объективами камер. Она — более желанна, более светла, более прозрачна. Мне, ей-богу, взгрустнулось.

Приехала скорая помощь. Надрывная сирена беспрепятственно ворвалась в комнату, зарезонировала на вазочке в углу гостиной. Злостными заговорщиками теперь мы пытались сохранить наш загородный ритм — со вспышками, но по преимуществу размеренный. И, когда до нас доносились обрывки фраз вроде «у него ожог тра-та-та степени», «нужны носилки, он сам пум-пум-пум не встанет», мы и ртами не дергали. Малена — тоже.

О том, что Сержа увезли, никто нам сообщить так и не удосужился. Мы поняли это по удаляющейся сирене, по вазочке, что застыла. Первым выскочил из полудобровольного заточения Андрюша, который, оказывается, забыл свой айфон на кухне (и зачем только нужен аппарат фирмы «Эппл», поместившей целый мир на ВАШУ ладонь, если ему все равно никто не звонит?). Он вылетел из гостиной пулей. Почему-то ожидая, что там еще сидят враги, ветконговцы/снайперы/боевики, мы высунулись на просвет медленно, осторожно. Врагов не наблюдалось. В Андрюшу, увы, никто не стрелял.

Невероятная организация царила на проекте! Тарелки перенесли в раковину (разве что не помыли!), стулья придвинули к столу, как закадычных приятелей (среди которых мой венский товарищ выделялся наличием истории и благородством). Кто-то протер пол

тряпкой, оставив длинный мокрый след. «Слава работникам тыла! Слава!» — так и захотелось прокричать мне лозунг. Не хватало, пожалуй, баннера или бегущей строки: «Живите дальше так, как будто ничего не произошло. Живите в комфорте!». Возможно, против подобной формулировки выступила бы одна Малена, но по законам стаи ее возражение никого бы не проняло. (Мол, уткнись!)

Ошарашенными насекомыми после катаклизма ребята разбежались по комнатам. Мне не хотелось думать, что я действительно навредил Сержу. Всего-то ошпарил яйца, тоже мне! «Ведь обман должен пресекаться, не правда ли? Обязан пресекаться!» — утешался я, примеряя роль инквизитора, которая была чуждой, но временно удовлетворявшей клочкотание совести.

У мусорного бачка валялась в суете так никем и не примеченная солонка. Та самая деталь, что сыграла с «деталью» Сержа злую шутку. В самой корзине лежала запыленная мясная косточка. А еще там валялся уют, и он был «в раю».

Уже покидая кухню, я вдруг остолбенел в понимании, что больше никогда не увижу поверженного. Он не встретится с мудрецом, не вернется после больницы на проект, не побьет меня. Я сконцентрировался на спине, чтобы позвоночник вспомнил тот спасительный шлепок, после которого быстрой нерпой во мне вынырнул агент 007. И позвоночник вспомнил — намекнул о происшествии странной ломотой. Мне захотелось сказать слово «спасибо» — вслух, на камеру, чтобы Серж потом увидел (УСЛЫШАЛ) этот выпуск и понял меня.

Но инквизиторы и палачи не извиняются.

Оставив потрепанный стул в покое, я поспешил туда, где люди обходятся без масок.

VIII

Сортиров на реалити-шоу было два! Проявив оригинальность, мы разделили их не на «мужской» и «женский», как делают во всем мире, а на «ближний и «дальний», как подразделялись некогда сталинские дачи.

Причудливые имена и названия — неотъемлемая часть реалити-игры! Ибо наш проект — не совсем кусок жизни, не ее медийная альтернатива, не фантом. Реалити-шоу — большая детская площадка,

где один ребенок лепит куличики, а другой крушит их пластмассовым самосвалом. Здесь есть папаши-телезрители, которые думают вовсе не о своих чадах, а о том, как бы поскорее спровадить осточертевшую супругу в Египет. Здесь есть махи-мамаши (телезрительницы), которых также не волнуют поверженные города сыновей. В мечтах они давно греются на пляжах Хургады.

Все так восторженно проходит на площадке, в такую жесткую парашку! Но для участников шоу, как и для детей, увы, нет Египта. Их «куличики» — самые охрененные пирамиды — единственные в своем роде. Песок на ощупь и вкус одинаковый. Большой и малый самосвалы — суть средство разрушения. Так за что же вы нас, спрашивается, честных «бантиков», так презираете? То есть новозаветное «будьте как дети» — для вас канает, а на практике вызывает раздражение? И здесь шестилетнему Ване самое время забить рот пятилетнего Сережи пылью. Несправедливо и куда двуличнее, нежели наши проектные глупости.

Потому я и ушел ото всех в сортир! В «дальний» (чтобы обидя засияла яркой звездочкой). Ушел подальше ото всех звуко- и видео-записывающих агрегатов, ибо даже дети не испражняются на площадке. Для этой цели их депортируют в кусты.

«Дальний» туалет находился в прихожей, и его вынужденно обделили евроремонтом. Думаю, со времен распада Союза его толком и не чистили по-настоящему. Разве что изредка обрызгивали «Лавандой». Ну, еще для вида подметали. В стародавние времена здесь — во всем корпусе — располагалась столовая подмосковного пансионата, куда приезжали отдыхать советские труженики среднего звена. После 91-го года дела у пансионата пошли худо, а ближе к нулевым — дел вообще не осталось. В итоге телеканал арендовал территорию со всеми зданиями за гроши (мне бы их гроши!), сделал евроремонт, исключив подсобки в виду канувшей в неизвестность части средств. Сколько сперли — понятия не имею. Но мне мерещилось, что сложенные в пачки купюры так и лежат здесь. Как клад. Как награда самому любопытному, они лежат в водонепроницаемом пакете, в моче, на вонючем дне «дальнего» сортира.

Туалетную бумагу туда больше не приносили. Плитка местами отколупалась, сидушка не могла быть поднята за ее отсутствием. В общем, санитарная зона представляла собой дыру, посещать которую кроме меня мало кто решался.

Я же ловил кайф!

В кабинке можно было смотреться в зеркало с трещиной во всю дверь (хоть и плохая это примета!). Еще я танцевал там умопомрачительную джигу-дрыгу, придумывал новые па, что называется, не отходя от кассы, не мешая «джону томасу» изливать свою душу. Но в этот раз войти в медитативный транс не получилось. Только я опустился на холодный унитаз, только мои ляжки поглотили многолетний холод, как зеркало передо мной тряхануло. Рефлекторно, но довольно лениво я сгруппировался: поджал колени и прикрыл голову (от греха подальше?) от осколков, готовых полететь в красивое лицо. Но, что приятно удивило, стекло устояло. Трещина на первый взгляд не увеличилась, и в ней моя (шагреновая?) кожа по-прежнему двоилась и троилась агрессивными лоскутами.

Никогда раньше (и после) я еще не был так близок к уродству!

Ржавые и гнилые саморезы героически удержали эту тяжесть на весу. А ведь всего-то пятнадцать-двадцать сантиметров от лица — только подумайте — длина среднестатистического фаллоса отделяла меня от увечий. Как хрупко великолепие! Какой малой толики вроде громкого шажка или потерянного равновесия хватит, чтобы перемолоть человеческую судьбу. (Какие маленькие у нас члены?)

В философском озарении я провел указательным пальцем снизу вверх по трещине, предусмотрительно огибая засохшие брызги и сомнительные пятна. Было как-то шершаво, но чаще — гладко. Прикинув, что совладать с трусами и джинсами, с тугой пряжкой ремня и упрямой ширинкой в быстром темпе не удастся, я не рыпался. Еще с минуту я сидел, как чувак с той знаменитой скульптуры Родена, весь такой задумчивый (не ропщите, позабыл!), и пялился в острое, готовое к атаке зеркало, пока в голове не просияло очевидное сообщение: «Там кто-то есть!»

Да нет же — не в зеркале. ЗА ЗЕРКАЛОМ! За дверью определенно стояли и выжидали, ибо стекла не дергаются по своей прихоти. Этот толчок (имею в виду действие, а не предмет обихода) напоминал самое настоящее покушение. Продуманное и дерзкое преступление! Вспомнив хладнокровный облик Бонда, его стать и достоинство, я беззвучно сложился на полу и осмотрел щелку в поисках ног убийцы или хотя бы его тени. Свет в коридоре был погашен. В физиономию решительно дуло. «За мной пришел профессионал!» — вмиг понял я и отпрянул.

Вам-то хи-хи (мне сейчас тоже — занятно), но вероятность стать обезображенным или того хуже — застреленным/забитым/убитым — еще как имелась. Были прецеденты. Знали бы вы, сколько писем поступало в редакцию проекта с угрозами и двусмысленными репликами, отреагировали бы иначе. Куда снисходительнее. Очень много писем! Десятки писем с намеками! Оттого и страх мой стрекотал неподдельно, страстно, подло. Риск существовал, я знал об этом еще до участия в проекте — но куда сильнее смерти меня ужасала боль. Обыкновенная физическая боль, с причинением которой чьи-то вывихнутые фантазии могли вот-вот реализоваться.

От злоумышленника меня отделяла дверь советского производства, что закрывалась металлической щеколдой той же ветхости. Скромность преграды заставляла мозги шевелиться. «Единственный способ защититься — напасть первым! Проявить то же окаянство, что и с Сержем», — подумал я и приготовился рвануть. Ловко я выдернул щеколду и со всей силы толкнул дверь ногой (силы было достаточно!). Дверь распахнулась на половину и, глухо стукнувшись обо что-то твердое (о локоть?), со свистом полетела обратно.

Очередного потрясения зеркало не выдержало и с грохотом рухнуло на пол, стеклом вниз. Вовсю зазвенело! Из открывшегося грязного пятна под рамой несколько одуревших тараканов бросились наутек в разные стороны. Увы, о своем лице в то короткое мгновение я забыл, так что не могу его описать. Но, уверяю вас, оно выглядело гадко! В образовавшемся проеме я сразу распознал своего «убийцу» — там стояла Малена. Не растерявшись, преодолевая болевые перекаты на руке, она ворвалась в сортир и захлопнула за собой многострадальную дверь. Битые кусочки под ее туфлями подали голос.

Сделалось неловко. Однако, не заметив в руках взбешенной, но все равно очаровательной женщины ножовок/топоров/клинков, я свел ноги вместе.

— Если ты, шлюха, сейчас же не уберешься, я буду кричать! — рявкнул я на нее и в подтверждение своего намерения напряг жилку на шее.

— Зачем ты все порушил? — спросила она настойчиво.

— Не прикасайся ко мне, не смей меня трогать! — попятился я назад, проседая вглубь толчка (а сейчас я как раз о предмете обихода). Очевидно, Малена ждала какого-то ответа на заданный вопрос.

От шока мне померещилось, что она постепенно приближается, делается такой же несусветной, что и во время ссоры с Сержем (умеет баба завоевать пространство).

— Не прикасайся ко мне, отойди, гадина, пропади! — привел я в силу свое предупреждение и заорал. И без того всклокоченную Малену мой трусливый поступок просто вывел из себя. Она отреагировала со скоростью одного из тех тараканов: согнула колени в своих красных колготках и ловко выковыряла из-под потрепанной рамы кусок зеркала. (Вот и клинок!)

Заблестевшее на уровне моего полового органа оружие заставило еще сильнее вжать позвоночник в трубу, в облезлый стояк. «Надо срочно выдумать спасительный ответ», — подумал я и понял, что позабыл чертов вопрос. Показалось, у меня седали волосы (впоследствии догадка не оправдалась).

— Значит так, — сказала Малена (ее голова находилась прямо напротив...), — сейчас ты объяснишь, зачем пролил на моего любимого кипяток, либо будет больно. Скорее всего, она дурку валяла, но я — весь такой слабый — не на шутку задрожал. Зубы снова зацокали. Раньше подобного бешенства встречать в женщинах мне не приходилось. И я с радостью последил бы за происходящим с вашей позиции — отстраненно, — если бы на кону не висели мои дети, счастье, Лера К., мошонка.

Не ведала она страха. Находясь словно в наркотическом опьянении, Малена могла бы без раздумий подорвать себя на многолюдной площади или, например, принести в жертву какому-то языческому божеству. Без разницы. И в этом заключалось неведомое мне упоение. Жаль только (действительно жаль!), что камеры висели далеко, и новоиспеченная Медея была для них недоступна. Медийная Медея — Малена.

— Потому что я люблю тебя, — выпалил я. — Всегда любил. Думаешь, меня не задевало, что он прикасался к тебе, целовал?! — и я перешел на доступные для Малены обороты речи. — Да, получилось грубо, но у меня не было выбора: на моих плечах репутация, да и не в моих правилах — отбивать чью-то девушку. Обычно меня добиваются, за мной ухаживают! Но сейчас все изменилось, Серж больше не преграда, и я хочу тебя целовать, прикасаться к тебе, чувствовать твои бедра своими. Ты хотела знать «зачем?», и я раскрылся — теперь забирай меня! Или, если хочешь, режь шею, яйца,

что хочешь режь! Мне этот балаган с мудрецами, помешавшимися на славе ведущими ни к чему. С отравлениями, (с голыми карлицами?), с прогулками, с «бантиками», с недостроенным бассейном, со снами, с венскими стульями — да пошло оно все к чертовой матери. Не случись этого признания, все бы потеряло смысл. Незачем было и затевать, — уж не знаю, когда именно, но я перешел на шепот и последние перечисления откровенно промямлил.

После пресного супа во мне вызрели новые слезы, которые всю покатались (полетели в бой, мои славные!). Со щек они падали на волосатые колени, в туалетную дыру. Лицо Малены не выражало ровным счетом ничего — будто я не в любви ей объяснялся, а предложил вычленить квадратный корень из ста. Обидно, ей-богу, обидно! Зрочки выскакивали из ненакрашенных боле орбит. Кожа ее побледнела, и Медея в ней заспиртовалась.

Лера К., Андрюша, доктор в шапочке с крестом, Немеш с Благонравовой, мудрец с исповедью в кармане — все они оглохли. Я увивал от этого признания сколько мог, и они виноваты в произошедшем. ОНИ, не я! Не пришли на помощь, не спасли. Малена все еще молчала, но уже не тарасилась в упор, а в отходняке опустила голову вниз. По всему выходило, что она разглядывала мой пенис, хотя взгляд был, конечно, абсолютно рассеянным. И тут, не снимая образа всклокоченной жрицы, она до запястья опустила руку в унитаз и достала оттуда, как бочонок лото из мешка, моего «джона то-маса». Я представил хлынувший поток крови, и картинка мгновенно помутилась. Таков мой универсальный способ «выключиться» (еще в школе меня приводили в чувство нашатырем после прививок).

«Главное не смотреть. Просто закрыть глаза и терпеть до предела, до потери сознания... И ведь решится... Или нет... Благо, сейчас все и произойдет... Совсем измотали мы сегодня врача... Надо бы повысить ему зарплату, вдвое!» — пытался я думать и стискивал зубы так, что десны расперло. Наконец, я ощутил резь. И далеко не сразу осознал, что кусок стекла не имеет к тому отношения — это были зубы Малены. Без всяких сомнений — зубы. И язык.

Стыдно, конечно, но вырваться я не пожелал. Быть застуканным — подавно. Потому, когда у Малены периодически затекали ноги, и она неловко переступала, вызывая под собой стекольный треск, я ежился. Но стихов вслух не читал, нет (исключительно прозу).

IX

Где-то я уже вспоминал мускульного вида Володю Гаретовского, прокаченного вдоль и поперек стероидами. Он тоже блядствовал. Но не как я — вынужденно, — а вполне целенаправленно. Ходили слухи (ох уж эти слухи!), что он даже ведущую Благодравову под шумок окучил, неутомонный. Вот бы я с ним поговорил по мужицки: о совести и по совести, а то ведь и поделиться своей горечью не с кем.

Как только Малена завершила половую расправу, мы условились, что выйдем из кабинки по отдельности, соблюдая временную дистанцию. Само собой, на мое предложение Малена не нашлась, что возразить. Здоровое ведь решение, да? Так бы на моем месте поступил любой ловелас!

— Ну зачем ты вся вздулась? — спросил я жилку на шее, стоило Малене выскользнуть в дверной проем. — Все тебе, синяя, мало?

— А ты не указывай, когда мне вздуваться! — грубо ответила жилка. — Я тебе не кореш дворовый!

— Щетинишься, выходит, ершишься, неблагодарная.

— А ты не наезжай на меня, — говорит, — за совесть другие органы отвечают, вот на них баллоны и кати!

— Мерзавка! Возьму я однажды, ей-богу, и порежу тебя! — сказал я требовательным подростковым тоном.

— Ой-ой-ой, напугал так напугал! Да ты крови боишься, как огня. Так что сиди себе на толчке и помалкивай.

— И помолчу!

— И помолчи!

«На кого же ты меня, Володя Гаретовский, оставил? Совсем меня не понимают здесь, совсем не любят...» Кажется, обговоренные «несколько минут» истекли, и это означало, что пора натягивать джинсы, сражаться (с ветряными мельницами?) с пряжкой ремня и выкарабкиваться на свет. К телезрителям. Спешить к мудрецу, который если еще и не пришел, то должен прибыть вот-вот. А ведь так не хотелось, такая дремота на меня напала, хандра поганая, что и Сержу не пожелаешь. «Все равно всех победю!» — решил я и вытянулся по струнке.

В конце темного коридора по полу кухни бегали субтильные тени. С нечеткими контурами, серые, какие-то легковесные, они напоми-

нали мне призраков. Призраков отцов/жен/детей/Гамлета. Читал я, знаете ли, вашего Шекспира — дрянь, несусветная дрянь! Но сам принц датский меня местами радовал. Хоть и был никчемным ублюдком (на мать бычил!), а себя любил, как никаким «бантикам» не снилось! Палец ему, нарциссу, в рот не клади. Недолго думая, я снял с вешалки вязаный черный шарф (кажется, Сержа), нацепил на себя да и превратился в Гамлета.

— Эй-эй! Ты что творишь! — возмутилась жилка на шее, когда первый шерстяной слой ее заткнул и спрятал от людских глаз. Как нагретую на солнце анаконду, как удава, петлю или гирлянду, я обернул шарф вокруг шеи трижды.

— Дохни теперь в испарине, — позлорадствовал я. Напустив томности, разбередив волосы, я стал истинным принцем — будущим королем.

Девочки мои — Лера К. и Малена — не прохлаждались. Ровными кругляшками они нарезали фрукты. Одна — банан, другая — грушу. На столе была расстелена новая скатерть, на этот раз с белыми и красными маргаритками (в продолжение цветочной темы). По всему выходило, что, пока я признавался в любви Малене, любимая Лера К. умудрилась заправить оливье майонезом, выставить скромный алкоголь из холодильника, засунуть в духовку курицу, расставить вдоль стенок свечи и переодеться в чистые праздничные джинсы. «Ну чем не Золушка? А как ловко кромсает банан!»

— Что за идиотский вид у тебя? — оторвалась она от процесса, ничуть не заценив мой новый облик. Тут я и заметил, что лучшего сидалища, чем венский стул, она выбрать не смогла. «Даже разрешения не спросила, пигалица!» — возмутился я и не стал рассказывать (про измену?) про принца датского. Малена же всецело была поглощена грушевыми делами и нарочито не обращала на «Гамлета» внимания. Хотя шарф ее бывшего парня шел мне во сто, в тысячу раз больше. Ну-ну.

— А тебе как, мальчик с айфоном от знаменитой компании «Эпл», для которой чудо стало, в кои-то веки, осязаемым? — спросил я ласково у Андрюши, который сидел на диване и то тыкал кривым пальцем в светящийся экран, то дико озирал кухню.

— Как педик выглядишь!

— Дожили, — вздохнул я. — Пойдем-ка, Андрюша, пройдемся. Объясню тебе, чем отличается гомосексуалист от юноши голубых кровей.

— Не надо.

— Нет, надо! Заодно и мудреца встретим, — расписал я план действий и почти спихнул Андрюшу с дивана. Бить мальчика мне (честное слово!) не хотелось — но находиться в комнате сразу с двумя любовницами, орудующими ножами не хуже, чем мой дедушка Яков из Литвы, желания также не возникало. Никакого желания.

Однако не все пошло гладко: напуганный обеденной разборкой Андрюша заартачился. Пришлось сопровождать его до прихожей, придерживая за плечо, без хамства, лишь намекая на собственное присутствие (так всегда делают милиционеры). И храбрости мой жест ему не придавал. Одного понурого затылка подростка было достаточно, чтобы у телезрителей сложилось впечатление, что я веду негодяя на казнь.

— Обещай, что никогда меня не ударишь! — вдруг потребовал он.

— Обещаю, — отшутился я.

Накинув куртки, завязав шнурки на кроссовках (друг другу?), мы вышли из удушливой мышеловки на улицу. Пока мой рейтинг повышался, пока все у меня повышалось, здесь заметно похолодало. Размокшие за день дорожки сцепились ледяной коркой, которая поблескивала от слабодышащих фонарей, отдавая вечерней синцой. Таким образом, Андрюшино лицо — порядком затемненное — избавилось от прыщей. За парой-тройкой световых рефлексов они спрятались все. В таком виде он мог (без дураков!) сойти за друга Гамлета, за его одноклассника-собутельника.

— Что ты думаешь про Горацио? — спросил я, высвобождая шарф из-под воротника, модернизируя его в хомут.

— Кто это такой?

— Был у Шекспира герой по имени Горацио, типичный визуал, очень чувственный. Тянулся к сверхъестественному, постоянно причитал: «О, мой принц!» В общем, невероятно женственная натура.

— Педик, что ли? — ухнул, собственно, претендент на роль Горацио.

— Кто его поймет. Возможно, он там единственный из всех крикливых баб и был настоящей женщиной. Очень любил Гамлета.

— Хм... Надо как-нить почитать! Ваще, непонятный чувак.

— Ох, Андрюша, — сказал я, высоко задрвав подбородок, — столько на свете всякой хрени, которую, кроме нас, ни один мудрец не объяснит.

Между тем, нашего мудреца встречали чуть ли не как императора. Вдали, у ворот, рабочие соорудили огромную световую рампу, прикатив специальный дорогостоящий грузовичок с прожекторами. И, как путники идут ночью на огонек, так и мы с Андрюшей неспешно скользили к этому зареву, к «мини-концерту Мадонны». Дорожки, ведущей напрямик, не проложили, а потому нам пришлось дать нехилый крюк через лес. Ветер, так победоносно ворвавшийся в комнату, где мы с Лерой недавно предавались плотским утехам, теперь по-свойски орудовал в верхушках деревьев. Он ужасал своим безвременьем. Мне сделалось всюду боязно.

Полагаться на Горацио, выбирающегося из пубертата, не приходилось (не защитит!). Как само собой разумеющееся, мы прибавили шаг, но от этого обезумевшие (подпапортники?) подмышки запотели, и я ощутил, как по правой стороне грудной клетки катятся холодные ручейки. Так, по моему настоянию, мы поплелись в прежнем ритме. Чтобы отвлечься от вездесущих шорохов, я решил заговорить с юнцом:

— Скажи, если тебя завтра выгонят с проекта, чем ты займешься?

— Ну, как. Не знаю. Раньше я работал в автосервисе — тачки там чинил. А здесь понял, что хочу делать как бы искусство. Не знаю. Стихи там сочинять, писать.

— А можешь что-то прочитать из своего? — наивно обрадовался я.

И, на мое федорино горе, Андрюша тут же отозвался на просьбу небольшим стихком, что втемяшился в лесу, где все угрожающе полудвигалось, в память навсегда. Чтобы вы могли лучше вообразить эти жуткие (ей-богу, жутчайшие!) мгновения, вспомните интонацию Левитана, с которой тот объявлял о начале войны. В том же духе Андрюша выдал следующее:

*Порвут тебе, бесстыжий изувер,
Твой мерзкий рот ножовкой или пальцем!
На то был знак из самых высших сфер,
И не успеешь выкрикнуть ты: «Сжался!»*

*Порвут тебя, бесстыжий изувер!
Как псы порвут, на вены и сосуды.
Я лично труп сверну в полиэстер
И ночью брошу в топь большого пруда.*

*За то, что Машку трахал ввечеру,
У голубятни доставал свой хрен,
Запомни, сволочь, я тебя порву!
Не человек ведь ты, ты — ИЗУВЕР!*

И, замаявшись, Андрюша добавил: «любовное». Внезапно за еловыми кронами раздалась сильные кличи, и оттуда вырвалась черная рать ворон. Птиц было слишком много, чтобы после всех пертурбаций я оставался спокоен. ЩАЗ! Тело раздухарилось. В висках загудело. Черепную коробку затрясло, как иногда бывает перед важным выступлением или с похмелья. И, памятуя о недавних (инсультах?) эксцессах, я обхватил голову, плотно заткнул барабанные перепонки, как если бы гарканье могло лишить меня слуха. Но оно не могло. Наверху бесчинствовали. Сквозь ад я прикинул, что продлится мука не более тридцати секунд, что сейчас без десяти, без пятнадцати шесть, начало седьмого. Пришлось опуститься на корточки.

В этом уничижительном положении мне сделалось почему-то обидно за то, что я лишен настоящих врагов. Черт возьми! Сколько бы я ни подставлялся, сколько бы ни глумил, ни безобразничал, ни унижал людей, в ответ мне прощалось все, и единственным достойным соперником выступала — стихия. Хоть те же проклятые вороны!

Случалось, кто-то и шпынял меня в раздражении ногой, но куда чаще оскорбленные господа вели себя любезно. Улыбались, жали руки, шутливо журили. И никто не заготавливал для меня полиэстер (хотя тот мечтал бы принять форму моей башки). Никто не высматривал пруд для обезображенного тела (хотя тот звал меня всеми лягушками). А потому тело это изничтожало само себя тоже своеобразной стихией — вывихнутой совестью. А все откуда? А все со школы! Пока я валялся в полуобморочном состоянии на манту, какая-то тварь вколола мне инъекцию под кодовым названием «Федор Михалыч». Да хоть сам Достоевский и вколол из бородатой моголы — ловким движением — в кисть руки или в зад.

Птицы не унимались.

Выводить заразу следовало красотой (одна ложка), правильными чертами лица (утром и вечером), здоровой кожей (до и после еды). Тогда появится надежда побороть стыд, унять доброкачественное мортидо хотя бы на денек. В идеале болезнь станет управляемой, а порывы совести — контролируемые. В идеале у каждого «банти-

ка» в загашнике отыщется, как пачка аспирина, внутренний фотошоп с кистями и палитрами, с иконкой «отменить предыдущее действие». В идеале, нажмешь на нее раз, и совокпления с Маленой как не бывало, нажмешь еще раз, и виски утомонятся, ткнешь на иконку в третий раз, и птицы скроются из виду (и не появятся уже никогда).

Птицы послушно перестали.

Андрюша стоял неподвижно и взирал на небо. Там быстро плыли облака, а в прорезях значились подтухшие за долгим свечением звезды. Разверзнуться, пожалуй, хляби не собирались, и оттого наостренное выражение лица Горацио приводило Гамлета в замешательство. К счастью, он сам раскрыл рот и выдал свои (гадкие?) мыслишки: Андрюша размышлял о будущем.

— В-о-о-о-т, — протянул он, словно пролетевшая стая ворон потрясала его не горше, чем, майский дождик, — буду, значит, писать. Среди моих замыслов есть замысел написать о нашем проекте. Напишу рассказ. А вообще лучше нет — напишу роман!

— Лучше, конечно, роман, — сказал я, когда мы продолжили путь по страшному лесу.

— В-о-о-о-т! Значит, точно, роман. И, знаешь, ты станешь там главным героем, Вань! Сделаю из тебя мега-интеллектуала! А то после твоего выкидона с Сержем я тобой реально восхитился. Ты — что-то по типу моего кумира или там героя. А герою, — радостно сошлось в голове у Андрюши, — самое место быть главным героем и в романе.

— Какая честь, — подстегнул я молодое дарование. — Только не забудь сперва с Шекспиром познакомиться, а то не выйдет наши терки перетереть.

— Как прочту, так сразу перетру.

— Угу, — кивнул я, — не медли.

Засим мы заткнулись и оставшуюся дорогу прошли в тишине: Андрюша — за великими замыслами, а я — за мелкими проклятьями.

Х

По мере приближения к цели масштабы события на глазах умялись. Так происходит... Так происходит, например, с фуршетом — когда подбегаешь к царственного вида столу и безошибочно угадываешь на бутербродах дешевую обветренную колбасу с газетной

начинкой. Вот и здесь: приготовления к встрече, казавшиеся издали беспрецедентными, на деле выдавали ту самую «докторскую» — по 100 рублей за кило.

Лысый амбал разбрасывал по наледи крупную соль, носком камелота перемещая жестяное ведро с наполнителем. Оставив камеры в грузовичке, операторы сбились в кучу и задорно курили. Кто-то шепеляво рассказывал анекдот про блондинку. Их дым (дешевый и дорогой — общий), подсвеченный ярким светом рампы, поднимался вверх, выполняя функцию маяка.

Нас с Андрюшей не замечали. За считанные метры до съемочной площадки я остановил «великого русского...» и на его озадаченную мину ответил не менее озадачивающим «тсс!». Надо быть, конечно, полным лохом, чтобы снизойти так просто: с панталыку вывалиться из лесной чащи, отвлечь мужиков от отдыха и схлопотать за это после убийственный нижний ракурс.

Впрочем, заскучать в засаде мы не успели. (По не приведенному здесь анекдоту нетрудно догадаться, что мы даже не уловили, что же именно отколола блондинка в зоомагазине.) По рации один из бравых парней получил какой-то мессидж, после чего компания вяло рассосалась по «точкам», с пренебрежением разобрав камеры, словно это бесплатные обеды. Последним покинул площадку лысый мужик, небрежно разбрасывавший соль. Так и не завершив начатое, остатки химического вещества в ведре он со знанием дела вывалил за придорожный куст и запорошил снегом («зеленым» тут самое время позеленеть).

Большие деревянные ворота отворились, и в них вкатил длинный черный лимузин. Где-то рядом с периметром выпалили два фейерверка, отчего все во мне екнуло. Мелкими светляками снаряды пафосно взорвались над планетой, после чего огненные россыпи слева продолжили сверкать, а салют, что был справа — загнулся (дешевое китайское говно). Зато операторы не растерялись! Они пошущукали в свои рации и быстро сменили местоположение. Среди перебегающих я углядел и своего друга, который фиксировал мою дневную прогулку с Лерой К. (сама судьба оплачивала ему за черствость неудачными кадрами). Лимузин картинно набирал скорость, явно позируя «папарацци». Откуда-то со звуком исходящего дезодоранта вырвались клубы дыма. Образовавшееся облако успело тяпнуть зад таратайки, после чего скукожилось и от-

плыло в сторону сморщенным сухофруктом. Полагаю, эффектный кадр был сделан.

В очередной раз чуть все не испортил ретивый Андрюша, рванувший в сторону всеобщего веселья еще при салюте. Да так лихо, что я едва не упустил его — только выставленная нога остановила дебила.

— Фильмы про разведчиков смотрел? — спросил я тихо, на что тот утвердительно моргнул. — Так сиди и не рыпайся, еще рано.

Лимузин приближался к кустам, в которых мы партизанили. Сплоховать и выскочить раньше/позже положенного — было позорно и безобразно. (Я взвел курок.) Наконец, сигарообразный объект набрал порядочную скорость, и действовать пришлось уже незамедлительно. Схватив Андрюшу почему-то за карман, я скомандовал «вперед!», и мы выбежали на дорогу внезапно, как два ошалевших лося. Тормозные колодки взревели. В глаза долбанула рампа, обладавшая, как выяснилось, свойством крутиться вокруг своей оси (совершенно чудесная конструкция!). Что утешает в этой ситуации, так это мои думы, в ту предынфарктную секунду направленные исключительно на прыщи Андрюши: как они сейчас все разом появятся!

Виновником же произошедшего признали лысого гада, не добросавшего соль по дорожке, опорожнившего едкое ведро под кусток. Во всяком случае, таково официальное объяснение случившегося ЧП.

Факты же говорят следующие:

1. Как ни старался, водитель лимузина не сумел остановить тяжелую машину вовремя.

2. Андрюша стоял ближе к капоту, нежели я и нежели нужно было стоять.

3. Удар вышел несильным, но достаточным для получения травмы.

4. Себя злоумышленником я не признаю, ибо затея вырисовывалась забавной, а вот исполнение, ей-богу, вышло паршивым.

После глухого удара у Андрюши подкосились ноги, и он осел на землю, треснувшись головой о лед. Не медля, я посмотрел на него, лежавшего без сознания (хотя сознание и раньше не давало о себе знать). Но куда сильнее меня заинтересовала безупречная вмятина на капоте лимузина! Поразительно то, что она — крохотная — вовсе не соответствовала форме коленной чашечки бывшего автомеханика, а походила на равнобедренный треугольник. В этой геометрии

не проглядывала случайность или импровизация — наоборот, геометрия почувствовалась мне сакральной, как ковш Большой Медведицы, как Итальянский сапожок, как пропорциональный Стоунхендж. Идеальная — она ни на что не намекала, кроме как на присутствие даже в этом происшествии высших сил — «Божьих камер», если угодно, следящих за нашими поступками — беспрестанно. Меня это, конечно, поразило.

— Может, ты ему поможешь?! Может, поднимешь его! — рыкнула на меня вылезшая из лимузина Благоднравова, будто рядом не стояло пятеро детей с телекамерами. Однако приподнять голову Андриюши и посмотреть на скрытое волосами (незатянувшееся?) темечко я не мог. А вдруг оно окровавлено? Так и не дождавшись отклика (ни от меня, ни от операторов, ни от водителя, ни от самого Андриюши), ведущая осторожно повернула пострадавшего. Черное ее платье, украшенное блестками, переливалось, обтягивая попу. Изучение раны продолжалось недолго: за спину и плечи Благоднравова неуклюже потащила Горацио в открытую дверцу лимузина, озирая присутствующих со злобой. Точно так же женщины волокут своих пьяных мужей домой (со стыдом и остервенением). Не будучи зверем, я все же пришел ей на подмогу, спешно выявив для того три истины:

1. Добродетель — двигатель рейтинга.
2. Добродетель на высоких каблуках — унижительна.
3. Добродетель без вида крови — приемлема.

Придержав Андриюшу за ноги, я помог внести его в клубного вида мигающий салон, где с длинного стеклянного стола Немеш уже смегла ананасы и бокалы с алкоголем на пол (нас бы так кормили и поили). Довольно небрежно мы приподняли еще живое (хоть и бестолковое) тело, плюхнули его на стол. Кто-то сунул под голову Андриюше большую подушку с вышитым павлином, настолько мягкую, что я бы на месте поэта тут бы и скончался от счастья — голова его полностью утонула в складках, в хвосте птицы. Все суетились. Раздавались женские вопли и споры «как правильно надо ложить неудачника на стол». Наконец, разделавшись с мелочами, Благоднравова два раза стукнула в перегородку, и водитель виновато тронулся с места. Он осторожно вез нас мимо леса и чащи, мимо чащи и леса — по уже исхоженному мной пути.

Окончательно расслабившись в кресле, я осмотрел салон и не без удивления обнаружил в его конце затемненный силуэт. Сощури-

пись, я изучал незнакомого человека постепенно, точно эпохальное живописное полотно передо мной упиралось в кончик носа: алые ногти, кудрявые каштановые волосы и большие губы безошибочно собирались в женщину. Безучастная к передрыгам гостя приподнялась (было где приподняться в таком-то салоне!) и протянула мне руку.

— Настя — мудрец! — приветливо произнесла она.

— Ваня — подлец! — представился я и втянул беззащитные щеки.

«Катафалк» приближался к дому.

XI

Работай я врачом проекта, настоял бы на увеличении своего жалования впятеро. Ей-богу, более тяжелого для медика дня сложно представить — похлеще, чем в Склифе будет. Согбенный и утомленный, в знакомой шапочке с крестом и с кожаным чемоданчиком в ручонке, «Хренболит» стоял на крыльце вместе с Маленой и Лерой К. Лицо его не выражало энтузиазма. К счастью, Андрюша еще на полпути пришел в себя и уже принохивался к водке, впитавшейся в палас. Он самостоятельно смог слезть со стола, открыть дверь и выбраться на посиневшую улицу. (Доктор облегченно выдохнул.)

Следом захотел выйти я, но мне запретили. Лишь когда к порогу подкатил грузовик с операторами, из лимузина вывалились все присутствующие. Последним покинул дорогостоящий салон я, застав водителя за изучением вмятины на капоте. Кепка его трагично сползала на усы.

Моему разочарованию — тоже — не было предела! Умудряются же люди переодеться, помыться и причесаться, творись на улице хоть резня, хоть потоп. Ладно, девушки! Но опоздавший к началу представления Андрюша напоминал милого перебинтованного зайчика — марля на голове скрыла всю его ущербность. Один я устроился на старинном венском стуле в каких-то обконченных джинсах, с грязной челкой и вспотевшими подмышками. Все старания — коту насмарку! Ведущие неустанно косились на меня с укоризной, словно сейчас я достану из загашника гитару и спою «ай-на-нэ-на-нэ». Играть на гитаре я не умею. Петь — увольте.

Когда Немеш с Благодравовой разразились долгим официозом, я в деталях изучил мудреца Настю. Конечно, пригласить в этом качестве бабу было верхом маразма (оторвать бы организаторам за это яйца, да боюсь, что и они на поверку могут оказаться женщинами). Сокрушались и ведущие, переделывая слово «мудрец» в «мудриху» и «мудречиху». Винить их за это нельзя — у девчат патологическое косноязычие. Настя же выглядела на твердый тридцатник, и лицо ее прощалось с молодостью скромной косметикой, которая в этом возрасте не только добавляет шарма, но еще и латает «первые прорехи». Впрочем, нужно отдать ей должное, держалась она неплохо: приятно улыбалась слишком белыми «рекламными» зубами, вставляла правильные обороты бархатным голоском.

Из сбивчивого рассказа соведущих о биографии «мудрихи» высветилась тернистая дорога «от бляди к монахине», завершающаяся если не возвращением на круги своя, то чем-то схожим. В деваху вкладывали хорошие бабки. Деваху раскручивали! Одно только декольтированное платье, о стоимости которого остается гадать, взывало к моей зависти: для полноты образа не хватало, пожалуй, инкрустированного бриллиантами креста на сиськах. Извинившись, я отошел брызнуться едкой «Лавандой».

Когда же я вернулся из «дальнего» туалета, мизансцена поменялась кардинально. За столом шла «пищепьянка» и активное обсуждение меня как мужчины и личности. Но стоило Гамлету присоединиться к компашке, как разговор увильнул в «шмоточную» тему.

— Вань, смотри, — устало бросила Благодрава, скорее желая отвязаться от меня, нежели ввести в курс дела, — сейчас по одному вы заходите в комнату к Насте и трете терки. Выходит один — заходит другой. Система, как в поликлинике, короче. Мы тут с ребятами очередь раскидали, и ты будешь последним.

— А сейчас Андрюша пошел? — уточнил я.

— Как наиболее покалеченный тобой участник! — отвернулась Благодрава под всеобщее улюлюкивание, давая понять, что я не герой их романа, а тварь дрожащая, богу свечка и черту кочерга. Все вместе взятое.

Что ж, не воткнув в актуальные «новомодные клатчи», я ушел в старомодную бутылку портвейна. Великолепный, нужно заметить, портвейн, предоставленный проекту крымским винзаводом «Красная Виноградина», что занимает лидирующие позиции на россий-

ском алкогольном рынке уже на протяжении 30 лет и лишь укрепляет свое лидерство год за годом. Меня подташнивало. По мере приближения к выпуклому днищу бутылки, на меня опускалась саднящая ясность. Обычно все происходит наоборот — но крымская отравка действовала, как мне казалось, не хуже контрастного душа.

Жизнь так отчетливо вызревала из синей жилки на шее. Жизнь прорастала из бараньей косточки в урне, лезла из равнобедренной вмятины лимузина. И, сумев подчинить столь многое, я почувствовал полную немощь — она выжигала солнечное сплетение. Как будто я развалился в том стоматологическом кабинете из сна, сижу под анестезией — оловянным сверхчеловечком — и, ей-богу, уже не сдвинуль с кресла.

— Что такое, — спрашиваю я у замыленной, вшивой пеларгонии, — почему я такой слабый?

— Потому что боли нет, — злорадствует растение и все тянется к своему отстойному солнышку своим солнечным сплетением.

Лера К. разбудила меня, поцеловав в предплечье. Это было очень по-утреннему, словно я ей сын. На столе стояла осушенная тара с оголенным доньшком, а вот лицо моей любовницы беспричинно заваливалось на бок. Не в силах совладать с «вертолетиком», я осел корпусом на стол, и темные маргаритки расцвели на скатерти неприветливыми лепестками.

— Нет-нет, Вань, вставай! — умоляла Лера К. — Сейчас твоя очередь встречаться с «мудрихой», она же ждет.

Повинуясь правилам, я сполз с венского стула, что отдалось невыносимой болью в голове.

— Ты только не волнуйся, — продолжал сочувствующий оленок. — Просто зайдешь в комнату и скажешь: «Я хочу поговорить с вами, госпожа мудрец!» Дальше она сама затрещит. А ты не веди себя, как идиот. Просто кивай. Понял?

И для тренинга я кивнул. Увы, домашнее задание выполнить не удалось. Распознав наугад алые ногти, крупные губы Насти, я зачем-то с порога нагрубил:

— Ты тут не мироточишь?

— А вы, Иван, хамло! — немедленно отозвалась «мудриха». — Как вам не стыдно? Я, между прочим, имею отношение к Церкви, не бухать сюда пришла, распевать тут с вами «Черного ворона» не собираюсь.

От упоминания ненавистной птицы меня передернуло и чуть не стошнило на пол. Хорошо, что рвотный позыв был вовремя пресечен глубоким вдохом. Не обращая внимания на чужие муки, Настя пыталась отработать бабки. Большая голова ее пропала из виду, и доносился до меня лишь тихий бархатный голос (да и то из-за «Красной Виноградины» весьма обрывисто):

— Пора бы задуматься, — проповедническим тоном изрекла она, — треть жизни прожито и время обернуться. Что вы сделали хорошего людям? За что вам стыдно? Что вам хочется вернуть, а к чему не возвращаться? Вам не жарко в шарфе?

— Нет, — качнулся я.

— Тогда продолжим! Много ли вы грешили, Иван? Унижали людей, может быть, оскорбляли кого-то, ну или хотя бы думали о ком-то плохо? Попробуйте вспомнить конкретный случай. Или, если хотите, мы можем разобрать вашу грубость со мной. Да, наверное, мы так и поступим. Вы не возражаете?

— Нет, — еще раз качнулся я.

— Замечательно! Итак, почти ничего не зная о человеке, вы оскорбили его, а вместе с ним Церковь. Употребили слово «мироточить», что само по себе святотатство. Думаю, не стоит объяснять, что поступок этот плохой. ПЛОХОЙ ПОСТУПОК!

От «Лаванды» в паху зудело, засаленная челка тяготила, еще немного ломило руки, что подтверждало дневной диагноз «простуда», тошнило, лицо разлеталось к чертовой матери. Морализаторство явно не шло мне на пользу, и я прилег на кровать, чтобы скрыться от навязчивой бабы.

— Мне просто плохо: то холодно, то жарко. То жарко, то холодно, — протараторил я, прикрыв веки.

— Еще бы! Это совесть в вас говорит, это вы несете наказание за содеянное, так что терпите, Иван, пора изменить свою жизнь. Стать открытым к миру... сбросить оковы рейтингов... расцвести... воспарить в небо... собрать себя из осколков. Что же вы делаете, Ваня? Остановитесь! Что вы делаете?

Что же я, в самом деле, вытворял? — да ничего путного! Стянул с себя шарф и футболку. Неимоверно быстро для пьяного спустил джинсы и трусы. Лежал на кровати нагишом и глубоко вдыхал волосяные запахи, сохранные подушкой.

— Вот этот, из сырой охры, принадлежит Лерочке, которую я любил. Тот, что розовый и плотный, невозможно оторвать от Малены,

которую я тоже любил. Салатовая хлипкая листва — это Андрюшин запах. Угольный привкус — Сержа.

— Оденьтесь, пожалуйста, Иван, иначе я буду вынуждена преврать наш...

— А теперь мой запах — ты знаешь, какой он? О-о-о, он несравненен! Это туалетный ароматизатор, Настя. Лаванда!

— Иван, я обещаю, что это ваш последний день на проекте!

— Дальше мой пупок, посмотри внимательно. — И со второй попытки я предъявил «мудрихе» обещанный пупок. — Если в нем поковыряться, то ты найдешь там мелкие песчинки, крошки и помертвелую кожу. Она горькая, даже слишком горькая.

— Так, я заканчиваю «беседу с мудрецом»! Хватит с меня!

— Наконец, душа. Где она, Настя? Не здесь ли? Ну, где же еще, если не здесь! Можешь подержаться — бессмертная, она там внутри — белая. Говорят, у всех разная, хотя откуда мне знать. Я ее ощущаю до спазмов. И на ощупь она липкая, тягучая, как жвачка, чтобы можно было вылепить новых людей.

Настя не выдержала, не смогла. Она схватила сумочку и вылетела из комнаты, как из клетки, оставляя каблучный гомон. Комната срасталась воедино и обволакивала тело. Похоже, это и вправду был мой последний день на проекте. Точнее, прощальный вечер. И ни одна собака не решалась зайти в комнату, чтобы узнать о моих муках. Я телезвезда (подлунная), а никто все равно не приходил. Батарея у стены пригревала бок, и я прислонил к ней остывшую пяточку. Потянулся к теплу, и оно бесчестно отдалось. После расслабил рот, который незамедлительно разъехался в стороны. Разжал лоб, и тот осыпался морщинами. Отпустил челюсти, и кожа повисла на щеках. Словом, пропал я.

Перед глазами пустились в пляс мелкие белые мошки — предвестники радости. Сколько их было? Я попробовал пересчитать, но они носились по радужке быстро, сбивали, и я начинал заново. «Как же долго донимали тебя эти существа?» — не спросите вы, а я все же отвечаю: «Кажется, всегда». Слева направо, снизу вверх, вихрями и трапециями пакостные мошки выплясывали свой странный языческий танец. Но, знаете ли, это шоу камерам было уже недоступно.

